

О переделкинских соседях, борьбе с чуковщиной и о том, как перепечатывала «Раковый корпус» на печатной машинке Корнея Ивановича

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1692>

5 апреля 2014

Собеседник

Чуковская Елена Цезаревна

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 5 апреля 2014 и опубликована 31 октября 2014.

Введение

В первом интервью химик и литературовед Елена Цезаревна Чуковская рассказывает о своем дедке К.И. Чуковском, в доме которого выросла: о его круге общения, о переделкинских соседях Корнея Ивановича, о гонениях на него и его книги.

Вторая часть беседы посвящена событиям весны 1962 года, когда Александр Твардовский передал Чуковскому на рецензию рукопись «Одного дня Ивана Денисовича». С тех пор Александр Исаевич стал бывать в Переделкино, а Елена Цезаревна стала его близким помощником, одной из участниц «команды» Солженицына — разветвленного круга очень разных людей, работавших с рукописями писателя, хранивших их, собиравших для него материалы.

Николай Александрович Формозов: Я хотел бы приступить к нашему разговору и начать рассказ с ваших воспоминаний о вашем дедушке — Корнее Ивановиче.

Елена Цезаревна Чуковская: Что именно надо вспоминать? (*Усмехаясь.*)

Н.Ф.: То, что вспоминается.

Воспоминания о К.И. Чуковском

Е.Ч.: Трудно мне дать портрет, поскольку мы были связаны на протяжении долгой жизни в очень разных обстоятельствах. До войны мы жили с мамой отдельно, в Ленинграде, а Корней Иванович получил эту квартиру в 1938 году и приехал сюда. Собственно, мы с ним уже близко встретились сначала в эвакуации в Ташкенте, где мы тоже, впрочем, не жили вместе. А потом, когда вернулись, маме не вернули квартиру, и мы все собрались в этой квартире.

Н.Ф.: В Ленинграде не вернули квартиру?

Е.Ч.: Нет [не вернули]. У старшего сына, Николая, разбомбило квартиру в Ленинграде, он с женой и тремя детьми жил здесь. Маме не вернули квартиру из-за «Софьи Петровны», по сумме обстоятельств. И потому, что она уехала на операцию перед войной, то есть не была эвакуирована непосредственно из Ленинграда. Младший сын погиб, и его сына взяли бабушка и дедушка: тоже он был в этой квартире. В общем, квартира была очень перенаселенная. Тут я уже вблизи наблюдала жизнь Корнея Ивановича, который жил в комнате. Он был человеком очень нервным.

” Главной его болезнью была бессонница, о чем очень много написано во всех воспоминаниях. Он не спал, ему без конца, чтобы заснул, читали дети, внуки. Читали разные книги. Если не там ставили ударение, он очень возмущался, подскакивал...

Н.Ф.: И вам приходилось читать?

Е.Ч.: Мне приходилось, конечно, читать. Очень подробно об этом пишет Лидия Корнеевна, которая с шести лет ему читала. Мне приходилось много ему читать. И здесь, и в Переделкине. Главное — он был человек очень здоровый, в сущности говоря. Читал без очков. Его единственной тяжелой болезнью была бессонница. Эти годы, 1940-е, для него были очень плохими годами. Разнесли в «Правде» его сказку «Одолеем Бармалея». И прервали печатание «Бибигона» в «Мурзилке». Он занимался комментариями к Некрасову все это время, к двенадцатитомнику. Болел много. В 1949 году моя бабушка, Мария Борисовна, тяжело заболела, у нее случился инсульт. И поэтому жизнь стала очень трудной. Если более позднее время взять, переделкинское... только после смерти Сталина Корней Иванович как-то воспрянул духом. Что для него главное? Его стали издавать. Книга «От двух до пяти», например, не издавалась с 1939 года. По-моему, была переиздана в 1955 году. В 1957-м году ему исполнилось семьдесят пять лет. И очень пышно, очень сердечно был отпразднован его юбилей. Вот с этого времени, пожалуй, он стал патриархом литературным. Стали издаваться его книги, вышли его воспоминания, он написал «Живой как жизнь», вышли «Современники», стали переиздаваться сказки, чего тоже не было долгое время. В общем, он воспрянул. Он был человеком очень общительным.

Он либо работал, либо был окружен множеством людей. Если выходил гулять на дорогу, обрастал толпами детей, встреченных знакомых, и всегда был связан с большим количеством народа. К нему приезжали студенты из санаториев. За день в доме бывало человек пятьдесят, наверное.

Н.Ф.: Когда же он успевал работать?

Е.Ч.: Он вставал очень рано. Он ложился, во-первых, спать в восемь часов вечера. Ненавидел сидение за столом, с трудом выдерживал. Никогда не пил, с молодости, дал зарок. Вообще не пил ничего. И работал он, в основном, вставая в пять утра. А все время остальное он работал в такой форме: то читал свои написанные вещи, или слушал: к нему приезжал кто-то и что-то читал. Или обсуждал... Он жил только этими интересами и разговорами, можно так сказать. Я помню, что он, например, постоянно выступал в Колонном зале на «Неделе детской книги». В частности, он говорил о том, как ребенок осмысливает выражения, которые ему кажутся бессмысленными. И привел такой пример: как ребенок понял «Интернационал». Что «с Интернационалом воз пряников в рот людской». (*Усмехаясь.*) Но когда он привел такую цитату, это вызвало большие неприятности: его больше не пускали какое-то время выступать в Доме Союзов.

Н.Ф.: «Воз пряник?..»

Е.Ч.: «Воз пряников...» У него много таких примеров. Как ребенок осмысливает...

Н.Ф.: Да, переводит...

Е.Ч.: Я сейчас просто все не вспомню. А этот вспомнила, потому что из-за него был большой скандал, и потом я его вписывала, вставляла обратно, уже в посмертное собрание сочинений, где, повторяю, есть глава, и где множество таких примеров. Корней Иванович любил и умел выступать и постоянно выступал в школах. Он пишет иногда в дневнике, что у него десятки выступлений за неделю. Какое-то время это была форма его заработка, когда его не печатали, в 1940-е годы. Он много очень выступал по радио в последние годы.

Н.Ф.: Даже я, по-моему, слышал.

Е.Ч.: Да, он читал свою книгу о Чехове... Была такая передача «Литературные вечера», у Гальперина. И там он выступал. Он очень много старался помогать людям. Например, я помню, когда у него был телефон, а тогда еще телефон был проблемой, иногда ему звонили и говорили: «Пойдите в Измалково и передайте», — допустим. Он надевал валенки и шел передавать, этому не удивлялся. Я помню, когда он...

Н.Ф.: Поэтому появилось это знаменитое его стихотворение про телефон? «Кто говорит? — Слон!»

Е.Ч.: Да. По телефону он говорить очень не любил и не умел, надо сказать. Об этом недавно в своих воспоминаниях говорил мой брат, и я вспомнила. Если ему звонили, он отвечал на вопрос и вешал трубку. Он сам очень часто ездил за кого-то хлопотать — но почти никогда этого не делал по телефону. Старался поехать, чтобы вступить в контакт с человеком, его охмурить, обаять и добиться желаемого решения. Постоянно хлопотал о больницах, прописках, квартирах, но никогда не занимал никаких постов. Вообще никаких, на моей памяти. По-моему, один раз, недолго, входил в редколлегия журнала «Москва». А так ни в Союзе, ни в газетах, ни в журналах — никак. Его считали чужим на протяжении всех лет. В 1930-е годы он был, как пишет Полонский, критик из газеты «Речь»: «Не забудем об этом». А в 1940-е он был вообще не угоден. Позже уже — то ли был старше многих — не входил ни в какие руководящие организации.

Н.Ф.: Но с очень многими общался...

Е.Ч.: Общался со всеми. Я бы сказала, в отличие от Лидии Корнеевны, которая делила людей на тех, с которыми она даже и не здоровалась, Корней Иванович общался абсолютно со всеми. Он мог пойти в гости к Лесючевскому, который жил в Переделкино. Он общался с Кривицким, которому мама не подавала руки. Не говоря о том, что одно время был дружен с Леоновым, с Кассилем, со Смирновым, Трениным, Пастернаком, Фединым, Андрониковым, Нилиным... Я часто об этом думаю, когда сейчас бываю в Переделкино. Тогда в Переделкине все общались со всеми. Дети вместе играли в волейбол. Все дети друг друга знали, и все взрослые. Может, мне так казалось, что с утра до вечера кто-то приходил... Я помню, как пришел Нилин, гордый, и сказал: «Я вчера был в Кремле», — и рассказал, что разнесли эту его знаменитую «Большую жизнь»...

Н.Ф.: Разнесли?

Е.Ч.: Разнесли, да. Что он видел Сталина, и тот негодовал... (*Смеется.*) Нилин очень интересно всегда рассказывал, иронически. Я помню всех у нас. И Фадеев приходил. Я помню Афиногенова, Пастернака...

О судьбе семьи А.Н. Афиногенова

Н.Ф.: Афиногенов* же...

* Александр Николаевич Афиногенов (1904—1941) — советский драматург.

Е.Ч.: Он погиб в самом начале войны.

Н.Ф.: ...погиб в самом начале войны от бомбежки. А вы в это время жили в Ленинграде?

Е.Ч.: Нет, мы уже жили в это время в Ташкенте. А Афиногенов остался в Москве: он возглавлял Совинформбюро. И я дружила с его дочкой Светланой, которая была примерно моих лет. Вообще, судьба этой семьи потрясающая: Афиногенов женился на американке, Дженни.

Н.Ф.: Да-да-да.

Е.Ч.: И у него была старшая дочка моих лет, Светлана, от другого брака. А от Дженни у него было две дочки: Джоя, «радость», и Саша. Джоя растила мама таким образом, что на всех детских днях рождения она стояла за спиной, чтобы Джоя не ела сахара, а только естественную глюкозу, фруктозу в виде винограда, яблок и прочего. И потом, после того как погиб Афиногенов от влетевшего снаряда, Дженни поехала проведать родителей в Америку. И когда они возвращались, случилась катастрофа: затонул корабль. Погибли только пять человек из тысячи, и в том числе Дженни.

Н.Ф.: И девочка осталась одна, сирота?

Е.Ч.: Джоя... Она осталась с бабушкой...

Н.Ф.: В Америке?

Е.Ч.: Нет, они уже приехали. Она [Дженни] погибла в Черном море, по-моему: этот пароход, «Победа», затонул. Она [Джоя] приехала, но мамы уже не было, и в четырнадцать лет она отбросила всю эту диету. Она была очень большого роста, уже сложившийся человек, хотя ей было лет еще немного. В общем, у нее получилось нарушение обмена веществ, и она умерла в возрасте двадцати двух — двадцати трех лет. А потом, помню, я приехала как-то в Переделкино, и единственный раз видела: какой-то лежал умерший человек, просто на земле. Оказалось, что это отец Афиногенова, которого сбил поезд. Так что вся семья погибла как-то ужасно.

Эвакуация и утрата ленинградской квартиры

Н.Ф.: Знаете, у меня несколько вопросов. Первый: вы сказали, что Лидия Корнеевна лишилась квартиры

из-за «Софьи Петровны». Ну, это же... я чего-то не знаю, наверное, потому что я знаю произведение, но оно было неизвестным, оно было ненапечатанным...

Е.Ч.: Нет, было так — об этом мама и пишет в записках: когда написала «Софью Петровну», зимой 1939-го — 1940 года, она собрала несколько друзей и прочитала рукопись. Но среди друзей затесался какой-то и незванный гость. И стало известно в «большом доме», что есть какой-то «Документ о 1937-м», как они это называли. Стали вызывать мою няню, финку. У меня [няней] была Ида Петровна Куппонен, которая у нас жила, из раскулаченных финнов. Ее стали вызывать в «большой дом». И мама тогда решила уехать из Ленинграда, сделать операцию. У нее был «базед» [базедова болезнь]. В мае 1941 года мы уехали на эту операцию в составе Иды, меня и мамы. Оставивши все в квартире. Эвакуировались мы уже из Москвы. А когда мама приехала в 1944 году получать квартиру и остановилась у родственников, она увидела, что за ней стали следить. И квартиру ей не вернули под тем предлогом, что она эвакуирована не из Ленинграда. Квартиру захватил какой-то важный чин, которого было трудно выселить. В общем, мама решила, что за ней какая-то галочка из-за «Софьи Петровны» стоит, что...

Н.Ф.: Я этого не знал.

Е.Ч.: ...в Ленинграде опасно. И она приехала сюда, где жить, в общем-то, было негде. Она жила в этой крошечной комнатке.

Н.Ф.: И вы с ней тоже?

Е.Ч.: И я тоже. Корней Иванович занимал ту комнату, остальные все десять человек крутились вот здесь.

Н.Ф.: Вот здесь? Понятно.

Е.Ч.: Так что квартиру не вернули маме.

Н.Ф.: Понятно. А в Ташкенте, наверное, тоже... Об этом сейчас много пишут и вспоминают — там была Ахматова, Раневская...

Е.Ч.: Да, Ахматова приехала к нам в Чистополь. И мы с ней в одном поезде вместе проехали из Чистополя в Ташкент, потому что 16 октября, когда была московская паника, Корнею Ивановичу предписали отсюда уехать. Он оставался в Москве, считая, что, так как сыновья в армии, а семьи, значит... Семья Николая Корнеевича в одной эвакуации, мы с мамой — в другой... Он считал, что он отсюда больше может всем помочь и не уезжал. Но 16-го их всех вызвали, предписали уехать. И они, все побросавши, уехали в Ташкент с Марьей Борисовной и оттуда стали вызывать нас из Чистополя, где у мамы не было никакой работы. И, взявши Ахматову, мы поехали в Ташкент из Чистополя — можно сказать, через всю страну.

Н.Ф.: То есть это Лидия Корнеевна организовала ее эвакуацию? Переезд, в некоторой степени.

Е.Ч.: В общем. Анна Андреевна из блокадного Ленинграда приехала в Чистополь, где только что повесилась Цветаева...

Н.Ф.: В Елабуге... Рядом.

Е.Ч.: Ну, да. Рядом. В Ташкенте был такой дом на улице Жуковского, где жили Вирты, Погодины, Ивановы, хороший дом. И был флигель, в котором жили мы с мамой. Над нами — Елена Сергеевна Булгакова, а по соседству — Надежда Яковлевна Мандельштам. Я ходила в зоопарк и разводила уток. В общем, у всех были свои интересы.

Н.Ф.: Да. Зоопарк тоже не первый раз возникает в рассказах... Там много было детей и московских, и вот вы ленинградский ребенок. Там был какой-то замечательный руководитель кружка...

Е.Ч.: Да, я смутно помню, но я ходила туда очень аккуратно, ухаживала за попугаем, который мне отцапал полпальца в один прекрасный момент. Вцепился клювом.

У меня там была еще одна драма: я мечтала всегда собаку завести, и мне в конце концов подарили очень хорошего щенка. А там жизнь была такая, во дворе. Это южный, жаркий город. И все дети крутились во дворе. Щенок тоже бегал во дворе, и его, к сожалению, украли. Так что щенок у меня был недолго.

А потом я взяла уток в утешение. Уток этих, утят, я прополоסקала в тазу, и из них выжили только два утенка. Остальные погибли, потому что жарко очень было на солнце. Эти утки выросли у меня большие...

Н.Ф.: Это были домашние белые утки?

Е.Ч.: Нет, не белые. Какие-то темные, по-моему. Жили одно время в сарае.

Борьба с «чуковщиной»

Н.Ф.: Понятно. И второй вопрос. Я вот знаю, что боролись с «чуковщиной»: был, по-моему, такой термин в 1920-е годы.

Е.Ч.: Да, был такой термин... У Корнея Ивановича была такая папка: «Борьба с чуковщиной», куда он все это складывал. И когда эта папка попала мне в руки, я сделала несколько публикаций. Известная история заключалась в том, что Крупская в 1928 году выступила с резкой статьей против «Крокодила» и против работы Чуковского над Некрасовым. Что «Крокодил» не надо нашим детям давать: это буржуазная муть, они ничего о крокодиле не узнают, это все какая-то ерунда, никакой познавательной ценности не имеет. И «Чуковский ненавидит Некрасова...» А поскольку это было не просто мнение Крупской, она в это время возглавляла ГУС, организацию, которая давала разрешение на печатание...

Н.Ф.: То есть она была цензором?

Е.Ч.: Она была руководителем ведомства...

Н.Ф.: Культпросвета?

Е.Ч.: Да. У нее было много постов, я боюсь наврать, но, по-моему, она была еще и во главе «Просвещения»...

Н.Ф.: А как «Крокодил» с Некрасовым совмещен?

Е.Ч.: Просто в одной статье обругала и «Крокодила», что «Крокодил» — это пародия на «Мцыри»...

Н.Ф.: Почему?

Е.Ч.: Нет, что «Крокодил» — это пародия на Некрасова. А ее поправляли, что это не на Некрасова пародия. Эта история, кстати, стала мне известна уже после смерти Корнея Ивановича. У нас существует порядок, что все письма Горького нельзя передавать ни в какие архивы, а только в Институт мировой литературы. А у Корнея Ивановича было много писем Горького. И я, передавая эти письма, выдвинула условие, чтобы мне дали в копиях письма Чуковского.

Н.Ф.: К Горькому?

Е.Ч.: К Горькому, да. В виде копий. И мне принесли большую пачку. Потому что их связывали в 1920-е годы совместная работа во «Всемирной литературе», в журналах... В общем, было много писем и Корнея Ивановича. И там затесалось одно письмо от Лидии Корнеевны, как раз по поводу этой статьи Крупской. Лидия Корнеевна писала Горькому в 1928 году. По-моему, ее [Крупской] статья была в конце 1927-го

или начале 1928-го. Лидии Корнеевне было около двадцати лет. Она писала, что помнит с детства: если с писателем случается беда, надо обращаться к Горькому. «С моим отцом случилась ужасная беда»: запретили все его детские вещи. А он труженик... Выдвигала в его защиту разные доводы. Кончилось тем, что Горький послал в «Известия» короткую заметку, в которой писал, что помнит, как Ленин хвалил работы Чуковского о Некрасове. И это послужило неким тормозом для травли, вышли потом книжка «Маленькие дети» первое издание, «От двух до пяти», какие-то сказки начали прорываться. Хотя все время возникали разные идеологические трудности.

” У Корнея Ивановича в Переделкине висели увеличенные резолюции родителей кремлевского детского сада: «запретить», «не читать детям Чуковского». В общем, они всячески оборонялись от него: была такая полоса.

Н.Ф.: Удивительно, что это продолжалось и в 1940-е годы...

Е.Ч.: Да, продолжалось...

Н.Ф.: Почему вдруг?

Е.Ч.: Периодически налетало.

Н.Ф.: А как объясняли? Что увидели плохого? Увидели аллегория какую-то?

Е.Ч.: Нет, никакой аллегии. В соседнем подъезде жил художник Васильев. Поскольку все время кто-то приходил, пришел этот Васильев. У Корнея Ивановича лежала на столе газета «Правда». И там были Ленин и Сталин в Разливе, знаменитый рисунок этого Васильева. Корней Иванович ему сказал: «Что же вы тут рисуете Сталина, когда всем известно, что в Разливе Ленин у Зиновьева скрывался?» Он ненавидел Зиновьева, все ленинградцы и Горький страшно с ним сражались. Васильев вышел — и в ЦК. Корней Ивановича вызвал Щербаков, топал и — это описано у него в дневнике — чуть не матом его ругал. Он пишет: «У меня два сына на фронте, а он так себя ведет!»

Н.Ф.: Это было во время войны?

Е.Ч.: Это было во время войны. И в результате что получилось? В результате написали в «Правде» статью: «Вредная стряпня Корнея Чуковского». Разгромили сказку «Одолеем Бармалея» в результате доноса, а не потому, что пошел разбор сказки. Просто надо было стукнуть Чуковского — стукнули сказку. А второй раз в 1946 году, когда вышло ждановское постановление против Зощенко и Ахматовой, во всех журналах надо было найти своих виноватых. А в это время как раз печатался «Бибигон», и причем с огромным успехом. Корней Иванович его читал по радио, получал мешки писем от детей. Ему посылали костюмчики, в Политехническом музее хотели устроить выставку «Подарков Бибигону». И тут появилась статья Крушинского «Недостатки детских журналов».

Н.Ф.: Кто такой Крушинский?

Е.Ч.: Я не знаю. Автор статьи.

Н.Ф.: Потому что был физиолог высшей нервной деятельности Крушинский. Но это, наверное, не он.

Е.Ч.: Нет-нет-нет, просто какой-то журналист. И он написал: «чернильница у этого писателя большая, а требовательность маленькая», «сказка никуда не годится». И «Мурзилка» прекратила печатание. «Бибигона» запретили, и он тоже выходил потом через десять или двенадцать лет...

Н.Ф.: А что было причиной в данном случае? Непонятно.

Е.Ч.: А в данном случае просто шла кампания... А что было причиной с Зощенко и Ахматовой?.. Во всех журналах кого-то выявляли. В каждом журнале надо было найти своего злодея — нашли Корнея

Ивановича. И это была последняя большая кампания, но надо сказать, что с тех пор он никаких сказок и не писал.

Н.Ф.: К сожалению.

Е.Ч.: Да.

Чуковский и Набоковы

Н.Ф.: Знаете, совершенно неожиданно у меня возник вопрос. Я забыл, кто это был, [кто-то] послал «Другие берега» Корнею Ивановичу, где Набоков иронично по нему прошелся. Корней Иванович ему написал, и Набоков извинился, сказал: «мой сын вырос на ваших сказках».

Е.Ч.: Этого я ничего не знаю. Я думаю, это одна из легенд. Дело в том, что в «Других берегах»... Корней Иванович ездил с Владимиром Дмитриевичем Набоковым в 1916 году...

Н.Ф.: То есть никакого письма не было?

Е.Ч.: Не было никакого письма. Корней Иванович очень возмущался и говорил, что он ничего не спрашивал...

Н.Ф.: Да-да-да, что это все выдумка.

Е.Ч.: Это все полная выдумка. Об этом есть его письма, где-то это и напечатано. И плюс в последние годы у него стоял четырехтомник Владимира Владимировича Набокова. Он изучал этот четырехтомник, это «Евгений Онегин». Знаменитый четырехтомник, который у нас уже перевели, но я его не видела.

Н.Ф.: Да-да, он переведен, дважды даже.

Е.Ч.: Где он анализирует переводы «Онегина» на английский, плюс комментарии Набокова. И довольно ехидно заметил, что «импозантная фигура переводчика заслонила уже Онегина, и Ленского, и все вообще». Потому что Набоков вспоминает, как гулял с гувернером, в общем...

Н.Ф.: Да, там все ассоциации, которые возникают...

Е.Ч.: К сожалению, Корней Иванович эту статью кончить не успел. А печатать начало очень язвительное он не хотел, потому что Набоков у нас был под запретом. Нет, а кто мог извиняться? Владимир Дмитриевич умер к этому времени: его же застрелили в 1923 году.

Н.Ф.: Да, в 1922-м...

Е.Ч.: Извиняться уже было некому.

Н.Ф.: Я проверю. У меня в памяти осталось, что каким-то образом... Он вообще не писал никому в Россию, Набоков. Боялся, что подведет.

Е.Ч.: Это какой? Уже сын!

Н.Ф.: Сын, естественно, сын уже написал эту басню.

Е.Ч.: Нет, басню...

Н.Ф.: Басню написал сын в «Других берегах».

Е.Ч.: Но как бы со слов отца.

Н.Ф.: Как бы со слов отца. И что он через кого-то передал извинения, мол, «Корней Иванович, мы вас ценим и любим, мой сын вырос на ваших сказках!»...

Е.Ч.: Нет, я думаю, что я бы знала. Наверное, Корней Иванович об этом бы рассказывал. Я же знаю

его архив: никаких писем Владимира Владимировича Набокова не существует. Дело в том, что это вошло в собрание сочинений. В последние годы Корней Иванович вел... Он отвечал на все письма. И вел очень подробную переписку с некоей Соней Гордон, которая его спрашивала и о Набокове, и о Зингере. Он же жил в последние годы, читая преимущественно английскую литературу.

Н.Ф.: А это был, на самом деле, критик литературный.

Е.Ч.: Это был... этот самый, Гринберг.

Н.Ф.: Гринберг. Роман Гринберг.

Е.Ч.: Да, издатель «Воздушных путей». Я просто сейчас могу не вспомнить, но, может быть, он ему что-то писал о Набокове, какой-то пересказ.

Н.Ф.: Не непосредственно, да. Наверное, так. Мне тоже кажется, что это в письмах Сони Гордон, так называемой...

Е.Ч.: Ну, сейчас они у нас в пятнадцатом томе существуют.

Н.Ф.: Понятно. Понятно.

Е.Ч.: Они изданы уже многократно. Их сначала издал «Новый журнал»...

Н.Ф.: Я приду, проверю: у меня как раз пятнадцатый том есть.

Е.Ч.: В приложении это есть. И есть указатели, так что очень легко проверить.

Н.Ф.: Да. И то, что вы рассказываете, мне совершенно непонятно: как может усыпить человека чтение, тем более детей? Во-первых, это интересно может быть. Во-вторых, дети ошибаются, как вы говорили. Почему...

Е.Ч.: Без конца читали Корнею Ивановичу либо Диккенса, либо воспоминания. Разные, разные книжки. Но он их выбирал, чтобы они его не очень увлекали. Это была привычка — засыпать под чтение. И она с молодых ногтей у него была.

Дача в Переделкине

Н.Ф.: Интересно. А расскажите тогда, если можно... Значит, переехав в 1938 году [в Москву], и в Переделкине поселился в тот же год?

Е.Ч.: Даже сперва он поселился в Переделкине, а потом, в том же году, получил эту квартиру.

Н.Ф.: То есть он в Переделкине с самого начала был, Корней Иванович?

Е.Ч.: Нет, Переделкино началось году в 1935-м. И ходили такие слухи, недопроверенные, что на нашей даче жил — там же успели всех арестовать по разу — жил Артем Веселый. И даже когда шел ремонт методом народной стройки, в 1980-е годы, и я, и строители, мы лазили под фундамент и искали архив Веселого. А потом случай меня столкнул с его внучкой, которая работала в «Московских новостях». В общем, архива никакого мы не нашли. Но там, на даче, был арестован Бабель. Там, действительно, чуть ли не каждый день приезжали эти самые машины... Пильняк, еще кто-то... Я, может быть, сразу не вспомню. Так что Корней Иванович не первым был там жителем.

Н.Ф.: Понятно. И после войны вы общались со всей литературной публикой?

Е.Ч.: Я не общалась так просто (*усмехаясь*), я всех видела. Общалась я, в основном, с детьми, но взрослых видела, да.

Н.Ф.: У вас какие-то остались детские впечатления? Они иногда бывают очень точными.

Е.Ч.: Конечно остались. Просто я бы не взялась... Ну да, я видела Пастернака, слышала, как он говорит и читает, ну и что из этого? Это все описано уже мастерами. Я его именно просто видела. Мы же приходили с Корнеем Ивановичем поздравлять его с Нобелевской премией. И Борис Леонидович приходил к Корнею Ивановичу иногда. Не очень часто, но приходил. Я больше дружила потом с его сыном, с его семьей, когда мы вместе сражались уже за музей.

Н.Ф.: С Евгением...

Е.Ч.: С Евгением Борисовичем и Аленой Владимировной.

Н.Ф.: Понятно. И, наверное, уже тогда к 1960-м годам надо...

Е.Ч.: Подбираться.

Н.Ф.: ...подбираться, да.

Е.Ч.: В шестидесятые годы Корней Иванович уже безвыездно жил в Переделкине. Марья Борисовна умерла в 1955 году, так что он жил там один, при смене бесчисленной родни, которая там мельтешилась, наездами. Никто, собственно, постоянно не жил. Иногда жил сын старший, иногда жила Лидия Корнеевна, иногда я приезжала — по субботам, воскресеньям. Другие внуки... Последний год там жил его младший внук с семьей. Как раз Марина была еще очень маленькая, ей было года три. В общем, жил всегда кто-нибудь из родственников. Плюс был секретарь у Корнея Ивановича, которая приезжала каждый день. И приходили разные люди в больших количествах. Что сказать про эти годы? Они связаны были все с работой, как и обычно.

«Один день Ивана Денисовича»

Н.Ф.: И весной 1962 года он был в каком-то санатории вместе с Твардовским?

Е.Ч.: Да, если к этому переходить, он был в «Барвихе», вместе с Твардовским.

” И Твардовский дал ему рукопись А. Рязанского под названием «Щ-854», по-моему. И Корней Иванович написал отзыв об этой рукописи, который впоследствии оказался первой рецензией на «Ивана Денисовича».

Твардовский тогда собирал отзывы писателей. Известно, что он собрал такой же отзыв от Маршака, не знаю, от кого еще. Потому что Лебедеву, референту Хрущева, он передавал [рукопись] вместе с мнением известных писателей об этой повести. Корней Иванович, тоже напечатана эта его рецензия в десятом томе, он назвал ее «Литературное чудо». И написал: «в литературу пришел большой писатель вместе с этой повестью». Эту фразу, кстати, у него заимствовал Твардовский потом для своего вступления к «Одному дню Ивана Денисовича». А дальше было так. У Корнея Ивановича есть книга «Высокое искусство», о переводе. И он был очень связан все последние годы с англо-американскими славистами. Все, кто приезжал из профессуры и переводчиков, — все бывали в Переделкине. И ему присылали много книг, которые до него доходили. Он получал журнал «New Yorker», ему писала Мирра Гинзбург, переводчица Замятина и Булгакова. То есть он был в курсе не только как у нас переводят, но и как наших писателей переводят на английский. В частности, к нему прислали несколько вариантов переводов «Одного дня Ивана Денисовича», которые сейчас стоят в Переделкине у него на полке.

Н.Ф.: А какой это был год?

Е.Ч.: Это был 1963 год.

Н.Ф.: За один год было пять переводов?

Е.Ч.: Да. Очень поспешно было все переведено. И Корней Иванович разбирал эти переводы. У него есть глава, где он пишет о том, как просторечие одного языка передавать на язык другого. В частности, например, у Солженицына: «не подпишешь — бушлат деревянный!». Вот как эту фразу переводить на просторечие другого языка?

Н.Ф.: Я знаю, эту главу потом исключили при издании...

Е.Ч.: Да...

Н.Ф.: А сейчас она выходит?

Е.Ч.: Опять в Собрании сочинений. Дальше было так. Как рассказывал Александр Исаевич, он ехал на велосипеде в Пушкинских горах и услышал: эту главу о переводах «Одного дня Ивана Денисовича» читали по радио.

Н.Ф.: И там был репродуктор?

Е.Ч.: Да, репродуктор... В общем, как-то он это услышал. И он тогда приехал к Корнею Ивановичу познакомиться. Это было в 1963 году, и это отмечено в дневнике. Так началось это знакомство. Неблизкое, но несколько раз он приезжал, за 1963-й — 1964 год, что тоже отмечено у Корнея Ивановича в дневнике. И какая-то была между ними переписка, которая напечатана в «Новом мире». Александр Исаевич прочел критический сборник «От Чехова до наших дней» и очень отозвался о нем одобрительно. Вот такое было знакомство, пока не произошла эта история с конфискацией архива.

А.И. Солженицын у Чуковских в Переделкине

Н.Ф.: Но вы тогда еще не были знакомы, вообще ни разу не встречались с Александром Исаевичем?

Е.Ч.: Нет, я не была знакома. А мама была знакома, потому что Александр Исаевич несколько раз приезжал в Переделкино. А я там не жила, я приезжала по воскресеньям, и то не всегда. И тут, когда конфисковали архив, Александр Исаевич приехал, очень был, как сам он пишет, потрясен этим обстоятельством. Приехал к Корнею Ивановичу с рассказом об этом бедствии. А Корней Иванович был человек очень импульсивный, кроме того, у него была навязчивая идея, что очень большой этот дом, в котором он живет... В это время его сын, Николай Корнеевич был за границей: уехал в Венгрию, по-моему. И он предложил Александру Исаевичу пожить в Переделкине, потому что Александр Исаевич буквально опасался ареста. Считали, что в Рязани может произойти... потому что у него в архиве, кроме «Круга первого», еще конфисковали «Пир победителей» — пьесу, написанную в стихах, о конце войны. И содержащую взгляды, которые очень не понравились тогда. Корней Иванович его пригласил пожить в Переделкино. Приглашение это он принял и поселился в комнате сына, внизу. Это было лето, меня тоже не было. И когда я приехала, застала всех довольно напуганными.

” Мне было сказано: здесь живет Солженицын, его не беспокоить, не шуметь, по телефону не разговаривать, потому что его комната была внизу, рядом с телефоном. И я ожидала увидеть человека мрачного, подавленного, убитого. Но Александр Исаевич держался, во всяком случае, внешне, очень спокойно.

Получилось так, что в тот же день, что и я, приехала Наталья Ивановна Столярова к Корнею Ивановичу. Оказалось, что она хорошо знакома с Солженицыным, и мы просидели очень симпатичный вечер, беседа...

Н.Ф.: И Корней Иванович тоже?

Е.Ч.: Нет, Корней Иванович вечером не сидел.

Н.Ф.: То есть втроем?

Помощь Солженицыну с рукописями

Е.Ч.: Ну, как-то он был при начале, а потом ушел. Наталья Ивановна потом уехала. В общем, знакомство завязалось в этот вечер. А потом получилось так, что Лидия Корнеевна пригласила Солженицына... Он тогда приезжал в Москву. У него тут не было никакой территории. И он останавливался у родственников своей первой жены, на Чкаловской. А тут Лидия Корнеевна его пригласила к нам, что ему было удобно, потому что в этом дворе жил Копелев, во-первых. В двух шагах находился «Новый мир». Александр Исаевич очень не любил Москву и старался все рассчитать, чтобы за полчаса все пробежать и уехать. И он принял это приглашение. И первый раз, в конце 1965 года, в ноябре, он приехал, остановился в маминной комнате, которая в это время уехала в Комарово. И должен был пробыть здесь три дня. Мне давались наставления: на глаза не попадаться, не отвлекать, не разговаривать... *(Смеется.)* И я себе составила такой план: я ходила на работу — уходила рано, в половине девятого. А с работы решила не приходиться, тоже идти куда-то, приходиться уже поздно вечером. И так день-другой прошел, а на третий день, когда я уходила на работу, вышел Александр Исаевич. Оказалось, что он заболел. Простудился, что-то с ним случилось. И он мне поручил куда-то выйти позвонить... Тогда у нас стояли автоматы, он не звонил по своим делам никогда из квартиры. Он попросил меня позвонить по телефону, сказать какую-то фразу подготовленную. В общем, какой-то завязался с ним разговор. Он мне дал тогда, помню, прочитать свою «Правую кисть»...

Н.Ф.: В этот раз?

Е.Ч.: Да. ...которая на меня произвела очень сильное впечатление. Мы с ним познакомились, начали разговаривать. И он мне рассказал, что все свои вещи печатает сам. Меня это крайне изумило. Потому что ни Корней Иванович, ни Лидия Корнеевна вообще понятия не имели, как это, печатать на машинке. А у него такие огромные книги... Я знала уже про «Круг»...

Н.Ф.: Но еще не читали?

Е.Ч.: Нет, тогда не читала.

 Меня это удивило: писатель, сам все печатает. И я как-то сказала: давайте я вам помогу, я печатать умею.

А я с детства умела печатать: еще этого «Бибигона» перепечатывала и помню, там было написано: «Дедиздат». *(Усмехаясь.)* Ну, как-то так поговорили, и ничего за этим не последовало. Но примерно месяца через три Александр Исаевич прислал мне открытку, что он подумал и решил, что не будет отказываться от выигрыша недель времени. Приехал и привез мне «Раковый корпус», тетрадочку, печатать. А надо сказать, что я, хотя и предложила, но, конечно, не была профессиональной машинисткой... Я с испугом взялась, тогда не было бумаги, копирки. У меня была машинка, которая пробивала семь экземпляров. Очень большая машинка Корнея Ивановича с огромной кареткой. Я начала печатать «Раковый корпус». Александр Исаевич посмотрел, страшно удивился, что попадают ошибки. Он считал, что никаких ошибок быть не должно. Постепенно я, приходя вечерами, напечатала эту первую часть. Дальше началось. Он-то здесь только проездом, давал указания. А дальше эти рукописи надо было где-то хранить, кому-то передавать, отзывы собирать. И так постепенно я стала знакомиться с разными его другими помощниками, потому что была система хранения сложная... В общем, много было всяких забот: и библиотечных, и человеческих...

Н.Ф.: Расскажите об этом, если можно, подробнее. Первым был «Раковый корпус». И вы просто ему его отдали, или кому-то передали на хранение?

Е.Ч.: Нет. Что-то ему отдала, конечно. Во-первых, он сам приехал и читал. Я где-то пишу, что он свои вещи помнил наизусть. И каждую мельчайшую ошибку... У него в этих тетрадочках его было отмечено разным цветом: новые слова, которые он вводил... — в общем, у него шла детальная работа с текстом рукописи. И так же он относился к набору. Допустим, позже он вписывал от руки пословицы, в «Август». К виду рукописей он относился очень серьезно. Какой-то экземпляр шел ему, что-то он сдавал... «Раковый корпус» он сдавал в журнал, там шли огромные битвы. Что надо кому-то читать — передавалось. Я сейчас уже не помню в деталях. Каждый экземпляр по графику продвигался. Потом кто-то брал его снова печатать, потому что тогда вовсю... Я с изумлением услышала: конференция по «самиздату» недавно проходила. И говорилось, что «самиздат» — это «Хроника текущих событий». Это верно, конечно. Но это в том числе огромное количество литературных произведений, и в частности произведений Солженицына, которые распространялись в несметных количествах. Приезжали люди из других городов, далеких. Каждый раз были разные заботы: и по хранению, и по распространению, и по чтению, и по собиранию замечаний.

Н.Ф.: То есть вы занимались фактически всем...

Е.Ч.: Нет-нет, я не занималась всем. Хранили одни люди, передавали и печатали потом уже — другие. Просто я как-то участвовала во многих из этих сюжетов, но, конечно, не всех. Александр Исаевич об этом написал, но это действительно так было: очень много ему помогали разные люди, разных совершенно типов. Позже, например, когда он писал «Август», во главе этого всего стоял профессор Петр Андреевич Зайончковский, который привлек своих учеников; ему помогали библиотеки, то есть, конечно, не я. Но я ездила несколько раз к Зайончковскому, отвозила вопросы, получала ответы. То есть разные были задачи: писать конспекты по каким-то книгам...

Н.Ф.: А какие книги? Вы не помните сейчас?

Е.Ч.: Ну, у меня это в статьях есть. Нет, я так не помню. Но это уже все позже: конспекты — это уже, конечно...

Н.Ф.: К «Августу»?

Е.Ч.: К «Колесу». А к «Раковому корпусу» никаких конспектов собирать не надо было: это просто была художественная литература.

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: Ведь Александр Исаевич вел еще борьбу... Его письмо, например, IV съезду...

Н.Ф.: Но это, по-моему, уже 1967 год?

Е.Ч.: Да. Я печатала в количестве двести экземпляров! Это заранее, за несколько месяцев все готовилось, с адресами. А потом так же, уже не двести, но очень тоже в больших количествах он рассылал «Изложения секретариата в связи с непечатанием «Ракового корпуса», и так далее. Ну и дальнейшие все драки... Он умел действовать, опережать своих противников. Они еще успевали только думать, что делать с предыдущим, а им уже приходилось следующие решения принимать.

Рукописи «Архипелага ГУЛАГ»

Н.Ф.: Понятно. А вот когда вы перепечатывали «Раковый корпус», мне показалось неожиданным, что борьба за «Раковый корпус» шла одновременно с написанием и с работой над «Архипелагом ГУЛАГ».

Е.Ч.: Ну, это нарочно было сделано.

Н.Ф.: Да, это у вас так сказано. Но борьба за «Раковый корпус» — это когда было? Это был 196...

Е.Ч.: Это был 1967 год. А дело в том, что Александр Исаевич «Архипелаг ГУЛАГ» писал, уезжая в Эстонию. Он примерно в сентябре тут вот пробежал (*усмехаясь*), давал указания на всю зиму вперед: все должно было двигаться и происходить, — а сам уезжал с концами в Эстонию. Туда к нему писать, звонить было нельзя, и где он находился — мне было неизвестно. Наверное, знала его жена, и все. И поэтому, значит... то есть, по виду вот все в это время «Изложения секретариата», все эти скандалы с «Раковым корпусом» происходили, а в это время он писал «Архипелаг». То есть не писал — он уже делал следующую редакцию. У него же первая рукопись «Архипелага» — сейчас прошла выставка его очень интересная, и там лежала эта рукопись, — она вообще относится к 1965 году. А потом он сам перепечатал рукопись... Он начал его, задумал еще в 1958-м. Потом сам перепечатывал пять частей, я видела эту перепечатку, еще до всего.

” Но он перепечатывал как «Ивана Денисовича»: сплошь, без полей и с оборотами. И оказалось, что с этим работать невозможно, ничего нельзя вставить. А между тем он продолжал собирать материал, то есть это был первый вариант.

Н.Ф.: Вы извините, но мне кажется, что в 1965 году, после ареста архива, как пишет в «Бодался теленок с дубом» сам Александр Исаевич, «Надежда Григорьевна спасла „Архипелаг“: это была только пятая часть и материалы к нему».

Е.Ч.: Это мне непонятно: как «спасла «Архипелаг»?»

Н.Ф.: Тут получается, что я уже рассказываю. У вас есть, в ваших статьях, что он приехал с маленьким чемоданчиком, как раз после ареста, похищения, изъятия архива, к Корнею Ивановичу. Видимо, примерно в это же самое время он приехал к Надежде Григорьевне...

Е.Ч.: Нет-нет...

Н.Ф.:... Аничковой и попросил передать пакет Тэнно. А она рассказывает, что это был очень небольшой пакет, и она не верит, что это был весь «Архипелаг». Но у него сказано, что именно Тэнно тогда... она с ним встретилась, с Тэнно, передала. И Тэнно это все отвез.

Е.Ч.: Куда отвез?

Н.Ф.: Отвез в Эстонию. В 1965 году Тэнно все отвез в Эстонию и спрятал в Эстонии. После уже, без рукописи, туда поехал Солженицын и работал там.

Е.Ч.: Ну, это я запросто могу не знать. Александр Исаевич мне говорил про Тэнно, что это его лучший друг, и что если что случится, нужно к нему бежать. Мы с ним познакомились, он приходил сюда, Георгий Павлович, но дело в том, что он заболел. Я про «Архипелаг» не знала. В 1965 году, естественно, вообще не знала. В 1966-м тоже. Собственно, я узнала тогда, когда уже дошло до следующей редакции. Вот рукопись была, которую они закопали, — я про это ничего не знаю. Дальше Александр Исаевич ее сам перепечатал, и вот была рукопись уже на А4...

Н.Ф.: Кто закопал?

Е.Ч.: Ну, это я не знаю. Если вы говорите, что Тэнно — может быть, и Тэнно. Я не знаю про это ничего. Я эту рукопись увидела на выставке. И Наталья Дмитриевна говорила, что она была закопана в Эстонии.

Н.Ф.: Да, это 1967 год.

Е.Ч.: Я думаю, он сам ее закопал.

Н.Ф.: Да. Он хотел, чтобы ее сожгли, но они не захотели...

Е.Ч.: Про это я ничего не знаю, я ее увидела в том году впервые. Я видела рукопись, которую он сам перепечатывал: такую же, как «Один день Ивана Денисовича». Было перепечатано пять частей из семи. И я не помню, когда, но я ее видела. Я сталкивалась с архивом Солженицынским, то есть могла видеть в любое время. А с этой рукописью нельзя было ничего делать, Вороньянская переписывала с полями, как полагается, большую рукопись, которую Александр Исаевич правил в 1968 году, которую я видела. Эту рукопись я видела, я ее печатала, видела, сколько там правки, у меня даже там есть строчка, которую лично я вписала. Есть у него такая глава «Что строили заключенные?». А я, когда училась в университете, нас посылали агитаторами на стройку нового здания. И там еще были бараки. Это был год... 1952-й, по-моему. Или 1953-й. Были какие-то волынки в Берлине, помню, мы им рассказывали что-то из газет, в этих бараках.

Н.Ф.: 1953 год.

Е.Ч.: Да, 1953-й. Рабочие предложили: «Хотите посмотреть сверху на Москву?» Конечно, мы хотели. И нас подняли на двадцать восьмой этаж, а это было где-то около шести вечера. И когда мы поднялись... причем здание было недостроенное. Я увидела эти знаменитые колонны заключенных с овчарками. Там же были кругом лагерь, и строили заключенные Университет.

Н.Ф.: А читали лекции вы вольнонаемным?

Е.Ч.: Нет, мы лекций никаких не читали, мы просто...

Н.Ф.: Нет, кто поднимал...

Е.Ч.: Нет, это были строители, рабочие.

Н.Ф.: Строители. Но не заключенные.

Е.Ч.: Не заключенные. Это были просто бараки. Я даже не знаю, кто-то приехал — в общем, рабочие стройки. Но там были и заключенные.

Н.Ф.: Да, понятно.

Е.Ч.: И я, значит, эту фразу... Он пишет, что они строили то, се, я еще вписала «Московский университет». *(Усмехаясь.)*

Н.Ф.: Да, понятно. А вы учились тогда на химфаке?

Е.Ч.: Я училась на химфаке, да.

Н.Ф.: И он был еще в главном... был в центре?

Е.Ч.: Мы начинали здесь учиться, на Манеже, а последние два курса... Вот сейчас меня зовут, по-моему, 23-го будет собираться наш выпуск: это был первый выпуск из нового здания. В 1954 году я кончала, шестьдесят лет назад.

Н.Ф.: Замечательно.

Е.Ч.: Причем кончали двести человек, а сегодня можно будет собрать, кажется, около тридцати.

Н.Ф.: Тридцати?

Е.Ч.: Да.

Н.Ф.: Ну, это много.